

## ЕЩЁ ОДНА ПЕСНЯ

Снег падал сплошной стеной, засыпая собой всё вокруг. Проносящиеся мимо машины с включёнными фарами постоянно друг другу сигналили, выражали своё недовольство. Казалось, у них свой особый язык. Водители ругались внутри стальных колесниц, а те, в свою очередь, общались между собой. Жаловались на скользкую дорогу, падающий снег, невкусный бензин.

Я шёл вдоль дороги, зевая так, что челюсть угрожала заклинить. Здание института было настолько близко, что, если напрячь фантазию, можно было «прочувствовать» дух института. Оставалось пройти мимо автостоянки, курящих у забора студентов, мимо колонн – в фойе.

Внутри обычная утренняя суeta. Кто-то спорит с охраной, уговаривая пропустить себя. Снуют люди туда-сюда, постоянно хлопают двери библиотеки. Из внутреннего двора с утра пораньше заходят засыпанные снегом студенты РЭиТП, таща за собой несколько шкафов.

Празднично горит красная звезда на украшенной ёлке. Рядом стоит большой плакат с пожеланиями на Новый год. Можно было подойти, взять привязанный маркер, написать что-то своё. Замедлившись на секунду, думаю. Почему бы и нет? Времени ведь немного займёт. Впрочем, сейчас у меня другая цель.

На одной из скамеек, читая томик Набокова, сидит Никита. Завидев меня, поднимается. Здравствуемся.

– Я уже обо всём договорился, щас к нам должны выйти, – чуть сипло говорит вместо приветствия.

– Что делать будем?

– Насколько я понял, снег убирать.

– Снег? Серьёзно?

Приподняв одну бровь, бросаю взгляд на окно. Снегопад, кажется, только усилился.

– Ну, нам сказали, мы делаем. Поработаем час, зато сразу три пропуска обещали закрыть.

В ответ лишь качаю головой. «От сессии до сессии живут студенты весело» – фраза точно про нас. Прогуляв и повеселившись весь семестр, приходится за это расплачиваться. Вот настал и наш черёд. Преподаватель физры отправил Никиту заниматься «общественно полезным занятием» к завхозу, а я примазался. Даром, что ещё не попадался физрукам на глаза, зато справка будет, что уже отработал.

По крайней мере, надеюсь на это.

Вышел седой мужчина лет пятидесяти на вид. Поманив нас пальцем, повёл в закуток за будкой охраны. Там, в тамбуре между задним входом и выходом, лежал инструмент. Мётлы, лопаты, совки. Это мы всё сгребли в охапку, и, изображая великомучеников, побрели к выходу из фойе.

– Помнишь, что у Маши день рождения сегодня?

– Ещё бы я не помнил про день рождения своей девушки, – пропыхтел Никита из-под охапки метёлок. – Ты за кого меня принимаешь?

– Что дарить будем?

– Не знаю, если честно. Денег нет ни на что, а стипендию ещё ждать и ждать. Есть варианты какие?

– Не, тоже голяк и тоже без денег.

Так, обсуждая подарок, мы вышли во двор. Снег всё падал и падал, студенты всё шли и шли. Кто опоздал, кому ко второй паре, кто просто приехал. Завхоз показал нашу рабочую территорию – «отсюда и через час закончите». Мы принялись за работу.

На самом деле, это было даже забавно. Всё, что нам нужно было сделать – отчистить землю от снега, да выдолбить натоптанный на брусчатку налёт. Ничего сложного. Я сметаю метлой снег, Никита собирает его большой лопатой, а после ей же долбит налёт. Первое время мы даже шутили

и игрались, но после, запыхавшись, прекратили это дело. Всё, на что нам хватало сил – продолжение обсуждения подарка для Маши.

Вариантов было много, но наши финансы пели романсы. Всё, что мы могли себе позволить – слепить ей снеговика. В принципе, это был неплохой вариант. Даже в духе нашего института. Мы почти решились на снеговика него, но в поле зрения появилась именинница.

Обычно, вся наша кодла одевается просто и без изысков. «Что в шкафу нашёл, то и надел» как когда-то сказал Никита. Так сегодня были одеты и мы, но не Маша. В яркой куртке, в светлом платье, наряженная и «напомаженная» девушка как будто светила от счастья. Она шла со своими подружками со стороны общежития, но, заметив нас, замедлилась.

Мы перекинулись парой фраз. С напускным равнодушием вели диалог, пыхтя и перебрасывая снег. И словом не обмолвились о дне рождения, как будто вовсе забыли о нём. Расстроенная подруга поспешила в институт.

– Неловко, – заключил Никита, сгребая снег лопатой.

– Очень. На тебя, кажется, она больше обиделась.

– Иди ты со своими наблюдениями. Лучше бы предложил, что делать.

– Может, песню напишем?

– Не-не-не, – товарищ аж скривился, воткнув лопату в сугроб. – И так ей сколько написал уже. Да и от музыки отдохнуть хочу.

– У тебя есть другие предложения?

– Нет...

– Ну вот!- не даю закончить ему мысль. – Значит, пишем песню. Ладно, раз так не хочешь её придумывать, то просто музыку подберёшь. Слова я сам придумаю. Коллективная работа!

– Да не хочу я песни писать, задрали они уже меня!

Так и проспорили целый час. В конце концов, Никита сдался под моим напором и железобетонными аргументами (заклучавшимися в отсутствии финансов, других идей и остром приступе лени). Мы сдали инструмент,

получили бумажки, уведомлявшими о том, что отработали три пропущенных занятия и были отпущены на все четыре стороны.

Цель была ясна и понятна, теперь осталось до неё добраться. Это было не сложнее уборки снега, пробуждения в восемь утра. Оставалось лишь найти гитару.

Возможно, эта проблема была посерьёзней той, что была раньше. Конечно, в институте полно музыкальных инструментов, только как их достать? Большая часть из них хранится в закромах факультета музыки, либо у актёров с режиссёрами. Первые мне точно ничего не выдадут, ко вторым самому идти не хотелось.

Конечно, как вариант, был Никита – ему, как студенту музыкального факультета, могли всё выдать, но... Здесь уже Никита отказывался идти на свою кафедру.

В итоге нам просто повезло. Мы встретили знакомого старшекурсника с гитарой, выменяли инструмент в обмен на три пирожка. Говорить о том, что у нас нет денег, не стали. Зачем? Да и стипендия скоро. Тогда и отдадим.

Настал час Ч. Ну и час начала нового занятия. Мы засели в коридорном закутке между кабинетом и деканатом Гуманитарно-информационного факультета. Конечно, была опасность, что кто-то с моей кафедры придёт и заметит меня, но, в остальном, этот закуток был идеальным вариантом. Особенно в момент, когда и деканат, и все окрестные кабинеты были закрыты.

Мы примостились на стоящем столе. Никита расчехлил гитару, я достал свои блокноты.

– Тебя наверняка физрук искал, – произношу между делом, ища что-то в блокноте.

– Ай, – отмахивается Никита. – Кто меня только не искал. От одной прогулянной пары хуже точно не будет.

– Ты у него и так сколько прогулял, а сейчас только три отработал.

– Потом ещё отработаю, подумаешь – снег подметать. И вообще, кто бы говорил? Сам то что сейчас пропускаешь?

Пожимаю плечами.

– Историю искусства. От одной пропущенной пары ничего не будет.

Мы рассмеялись. Я в красках представлял, какой мне светит нагоняй за очередной прогул, но ничего не мог с собой поделать. Предвкушение чего-то важного, мягкое томление от создания новой песни – всё это было гораздо сильнее французского импрессионизма. Думаю, товарищи художники меня простят за то, что я пропускаю рассказ о них. Одним делом занимаемся, в конце концов.

Впрочем, быть может, духи художников помогут нам в творческом начинании?

Наконец, всё было готово.

Мы приступили к «таинству».

Должен признаться, что написать новую песню в этот раз было сложнее, чем всегда. Сперва мы долго подбирали мелодию, которая нас бы устраивала. То мне какой-то момент не нравился, то Никиту что-то не устраивало, и он полностью всё менял. Дошло до того, что мы успели немного поругаться – звуки, что издавала гитара, показались мне идеальными по настроению. Музыкант же от них лишь отмахнулся, сказав, что они вторичны. Спустя час бесконечных споров, мы всё-таки нашли ту «музыку», что нравилась нам обоим.

Между тем, жизнь в институте не затихала. Проходили туда-сюда студенты и преподаватели, поглядывая на нас. Прошла мимо декан моего факультета с просьбой быть тише. Мы покивали, сделали испуганные лица, но звук, конечно, не уменьшили.

В конце концов, появились первые слова, за словами строки. Что-то, что должно было быть поздравительным, становилось ёрничающим. С одной стороны, это было смешно и абсурдно, с другой, мне нравилось звучание получавшейся песни. Припев особенно. Возможно, эта не-поздравительная-

песня и стала бы нашим подарком, если бы Никита вдруг не прервал мелодию, под которую я выводил очередное слово.

– У меня появились строчки. Записывай, – вымолвил мой друг, принявшись наигрывать совершенно новую мелодию.

Его слова, его строчки – они были о любви. О любви болезненной, о любви прекрасной. Выворачивающей человека наизнанку, заставляющего его выть и плясать, петь и рыдать. Играя очередной аккорд, произнося новое слово, музыкант погружал слушателя в свой мир. В свои эмоции, в свои чувства.

В свои воспоминания.

Записывая слова, погружался в воспоминания и я. Песня, которую не пел, нет, которую плакал Никита, была не о Маше. Она была о той, забытой и далёкой Луне, что покинула нас когда-то давно, что теперь следит за нами с небес.

Это было совершенно неправильно петь такую песню на день рождения.

Но было правильно просто петь её.

Просто петь. Без привязки к чему-либо.

Наконец, мы закончили. Заиграла фальшиво-жизнерадостная музыка, возвещающая об окончании пары. Наступил обед. Нужно было, наконец, поздравить Машу с днём рождения, а она наверняка была сейчас в столовой.

Мы вышли из нашего закутка.

Самое оживлённое время в институте – время обеда. Из аудиторий выходят студенты, из кафедр преподаватели. Выбираются из своих подвальных мастерских художники, делают паузу в репетициях актёры.

Вокруг здания института полно кафетериев, столовых, баров. Есть выбор, куда пойти и пообедать. Кто-то так и делает, но большая часть обитателей «храма культуры и искусства» отправляется именно в столовую. Здесь собирается и стал, и млад. Именно здесь находится центр студенческой жизни.

Именно здесь мы и хотели найти Машу. Увы, но так и не нашли.

Обыскали всё здание – так и не обнаружили. Стали расспрашивать общих знакомы – никто не видел. На звонки не отвечала. Ума не приложу, что бы мы делали, если бы Никиту не дёрнуло вернуться в закуток, в котором мы писали песню.

Там, на давешнем столе, сидела заплаканная Маша. Несколько шариков рядом, коробки с подарками, несколько подружек, что утешали ещё. Наше появление заставило всех замолчать.

– О, явились, не запылились! – произнесла одна из девушек «группы поддержки». – Зачем пожаловали?

– С днём рождения поздравить, – дипломатично ответил я, заметив, что Никита хочет начать ругаться. – Маш, прости нас, что мы притворились, будто не помним о твоём празднике. Мы просто не знали, что придумать, что подарить.

– Придумали? – через всхлипы спросила именинница

– Придумали. Песню. Спеть?

– Пойте, – махнула девушка рукой.

Мы с Никитой переглянулись. Он поудобнее перехватил гитару. Я откашлялся.

*Будильник на семь снова будит.*

*Зачем мне вставать, если без тебя меня не будет?*

*Холодный дождь за окошком*

*Напоминает мне о том, что всё, что было – было в прошлом (2 раза).*

*Синий дым над башкой – это хорошо.*

*Он – напоминание о прошлом,*

*Всё закончилось быстро, и так легко,*

*Но я снова ощущаю себя брошенным.*

*Брошенным в ад, надоел этот маскарад.*

*Пина-колада, виски-кола, я снова рад.*

*Дом, перегар, чищу зубы, кровать.*

*Завтра день, завтра боль, а душа просится кричать.*

*Будильник на семь снова будит.*

*Зачем мне вставать, если без тебя меня не будет?*

*Холодный дождь за окошком*

*Напоминает мне о том, что всё, что было – было в прошлом (2 раза).*

*Я помню, гуляли по вечерам,*

*Смысл каждого дня – нажраться в хлам,*

*Спорили, разойтись ли по домам*

*Или шляться по дворам,*

*Дворам нашего города,*

*Что зальёт эта песня аккордами*

*Нотами, не забывающими ничего,*

*Что заполнят пробелы немого кино.*

*Будильник на семь снова будит.*

*Зачем мне вставать, если без тебя меня не будет?*

*Холодный дождь за окошком*

*Напоминает мне о том, что всё, что было – было в прошлом (2 раза).*

*Ты заняла бизнес-класс в моём сердце,*

*И больше некому там греться.*

*Скрип колёс, моя станция,*

*Я не Д Артаньян, да и ты не Констанция.*

*Синий дым над башкой – это хорошо,*

*Он – напоминание о прошлом,*

*Что между нами была не просто любовь,*

*А что-то большее.*

*Будильник на семь снова будит.*

*Зачем мне вставать, если без тебя меня не будет?*

*Холодный дождь за окошком*

*Напоминает мне о том, что всё, что было – было в прошлом (2 раза)<sup>1</sup>*

---

<sup>1</sup> «Будильник». Автор – Гаргуль Никита Кириллович.

– С днём рождения, – тихо произнёс Никита после песни. – Я не забыл о тебе. Прости, пожалуйста. Я люблю тебя.

Наступившую тишину нарушили аплодисменты именинницы.

– Ребят, а вы случайно в «Поехали» не участвуете? – спросил декан ГИФа, вдруг вышедший из-за угла.

## **НОВЫЕ КОЧЕВНИКИ**

«Брям, брям, брям... Брум, бряям...» До чего дошла в наши дни техника! Я слышал от какой-то знакомой, что сейчас в некоторых провинциальных музыкальных школах педагоги заставляют родителей покупать своим детям электротюнеры! Где это видано! В музыкальной школе среди бела дня! Электротюнер! Впрочем, его в любой телефон возможно установить, вот чудо 21-ого века! Стоит вернуться к звукам дешёвой китайской гитары, с дешёвыми струнами. Кусок дерева – однозначно скажет эксперт, но здесь, где жизнь по распорядку дня, где ты не принадлежишь сам себе, это просто красавица, умница, верная подруга, пылинки с которой сдувать следует! Где же это место, подумаете вы... за колючей проволокой, за стальными засовами и т. д. и т. п., о чём так любят поболтать нынешние либералы-патриоты, искренне верующие, что живём мы в зверской стране с волчьими законами, с лидером-диктатором, просто упырём, по сути дела, а когда было иначе? Никогда не было по-другому, так же как никогда мы не были другими, а только такими, какие мы сейчас. Так вот, место это чудесное, в прямом смысле этого прилагательного, маленькая модель государства, гражданами которого мы с вами являемся, вот только здесь, вы, товарищ, не гражданин, вы – военнослужащий! Я уже слышу, как задрожали губы и потекла тушь на лицах из комитета солдатских матерей, как сердца их забились в ритме псевдокорриды, как их ногти застучали по экранам сенсорных телефонов, а они ещё, и, наверняка, зарплату за такой стресс получают... и никуда от этого не денешься! Невольно начинаешь задумываться, сколько же весит одна написанная буква! Слово? Сколько оно стоит? Вот в чём дело! Я не говорю про деньги, нет! Когда-нибудь за каждое слово придётся ответить, дорогие

читатели, перед теми, у которых, выражаясь словами классика, «тайная, скрытая любовь к РОДИНЕ».

Всё вокруг вертится одна и та же мысль: как дальше жить? Вопрос вопросов... Кто и как часто об этом задумывается? Вот я сейчас пишу и думаю: как дальше жить? Говорят, что мелочей в жизни нет, но жизнь отчего-то становится мелочной. И никуда от себя не денешься, не скроешься, под одеялом мы всё прекрасно про себя знаем и помним... К чёрту его!

Лучшие годы своей жизни где-то за спиной, в прошлом. Мозг разъедает неизбежно поступающая информация: Ты не будешь уже таким, как прежде, никогда! Близкие люди никогда не будут такими, как прежде. Может, в этом и есть счастье? Счастье человеческое? Жизнь, она мудрая, мудрее всех нас, и нет лучше неё педагога, прав Тальков.

Слишком много у нас, товарищи, в голове стереотипов, да... счастье! Жить и палец о палец не ударять. Модели мы знаем американскую, с газоном (столько-то дюймов), европейскую с жилплощадью (столько-то квадратов), восточную (с неведомым балансом). А нам всего мало. Может, не такие мы уж и особенные? Нет в нас Великого Предназначения? Снова кто-то другой будет спасать мир.

В нашем времени мы ничего не успеваем, даже жить не успеваем, большую часть своей молодости мы только готовимся к жизни. Система так устроена или же мы сами в этом виноваты? Обвинить возможно кого угодно, всё уповаем на Высшие Силы, что от человека ничего не зависит, и в то же время зависит абсолютно всё, идеи экзистенциализма актуальны как никогда, из крайности в крайность, может, кто-то всю свою жизнь тратит на поиск некоего «срединного пути», что больше похоже в представлении людей на «политику неучастия», на поиск баланса между чёрным и белым, маленьким и большим, высоким и низким, впрочем, вы скажете, что всё это мелочи.

Для чего же мы тогда рождены? Человек начинает по-настоящему искать бога, лишь тогда, когда лишается своих богов во плоти. Наши родители, чем не боги? Наши создатели. Мы желаем быть подобными им, также творить Жизнь. Занимайся жизнью или занимайся смертью, третьего не дано. И всегда есть шанс что-то исправить, починить и заштопать. Порою жизнь подобна полотну, она сшивается из отдельных кусочков разных по размеру, по цвету, по материалу. Сшивается плед, которым укроешь своих детей, родителей в холодную погоду, когда за окном октябрьский вечер, и ветер, подобно злодею, ломает ветки деревьев, скулит, завывает, срывает с петель калитки, норовит проникнуть в каждый уголок, где бы ты ни был.

Один из таких кусочков – это период студенчества, весёлого, беззаботного, смелого, словом, такого одного, твоего.

Я ограничивал свой мир силой своего упрямства, более чем – упёртостью. Один из преподавателей не уставал говорить: «Упёртость твоя – это признак твоей же ограниченности». Может, я был более ленив, менее мобилен, менее начитан, чем остальные студенты, всё может быть.

– Ты абсолютно разболтанный субъект, в тебе нет ни собранности, ни мастерства, ни целеустремлённости... Как ты собираешься жить?

– Знаешь, целеустремлённые и педантичные людей в печах жгли. Мне предлагаешь стать таким же?

– Я предлагаю тебе наконец-то повзрослеть, хоть капельку! Никакой ответственности, ты на что собрался с ней жить? Самое главное, где?

– Дорогая моя, что за мещанство: «где?», «на что?», ты же сама в молодости была ярким противником всего этого.

– Мы с отцом были уже серьёзными людьми, которые сами во всём себя обеспечивали, быт строили, работали, образование за плечами имели!

Что же, у меня нет ни того, ни другого, ни третьего, да и было это в другой стране.

Денег, действительно, не было... «Перебивательство» по разным подработкам от нелегальной работы на стройке на высоте 18-ого этажа, «бомбёжки» в такси, до «стабильности» в каморках сторожей на складах и базах, плюс надо было как-то учиться.

В работе таксистом есть что-то из жизни кочевников, когда-то наполнявших эту землю. Наматываешь круги в поисках заработка, передвигаешься не из точки «А» в точку «В», а иногда исполосуешь весь город, изъездишь его. Буквально живёшь в «седле», питаешься своей «добычей» фаст-фудом, запивая сильногазированной гадостью, отдыхаешь в «седле», встречаешь рассвет и готовишься к закату. На бензин и пакет продуктов хватает, но не более. Притягательность «свободного полёта» и отработывания заявок быстро затухает.

Холодно, но на ходу не замёрзнешь, терпимо, лицо только всё обветренное станет, а пуховик тёплый. Сумка на плече, купленная с одной из первых стипендий, в ней пара толстых тетрадей, исписанных наполовину, книга, которую сейчас читаешь, и всё не можешь до конца дочитать, а может, просто не хочешь? Топаешь пешком, за полтора часа успеешь на занятия. Кажешься себе школяром, что странствует по монастырским средневековым университетам, и в голове играет на знакомый мотив: «Подари святой отец мне свою сутану, и тогда я наконец мёрзнуть перестану...»

Заходишь в альма-матер, первая мысль: тепло, ветра нет, люди улыбаются, что ещё нужно? Фойе раскрывается пространством, которое не давит тяжёлыми сводами, светло, библиотека – одна из лучших в Восточной Сибири, справа от входа, хорошо! Главное, пропуск не забыть, а то не пустит электронный Цербер-турникет. Поднимаясь по лестнице, повстречаешь кучу знакомых с различных отделений, бежишь на занятия. Сразу чувствуешь тепло, как дома, институт и стал для меня

в какой-то степени домом, несмотря на то, что в общежитии я никогда и не жил, но знакомство моё с ним помню замечательно.

Начало учебного года, я с одноклассником поднимаю на последний этаж старый советский холодильник из разряда «бронбойным не возмёшь» фирмы то ли «ИЖ», то ли «Снеговик». Пролитый пот и благородный труд наш был оплачен... собственно, ничем не был оплачен, лишь милой улыбкой нашей одноклассницы.

– Слушай, пошли по пиву, а?

– Давай, жарко, заодно и за знакомство, – ответил я.

А дальше разговоры, кто чем занимался, сколько девушек у кого было, кому съездили по роже, короче говоря, нормальные разговоры под пиво.

Чередa занятий, неделя сменяет неделю, домой приходил поздно, сразу ложился спать без ужина. Были знания, оставшиеся со школы, успешно ими парировал выпады преподавателей, но это первое время, первое время... Мозг впитывал новую информацию, сразу выделились предметы-«любимчики». На некоторые откровенно хотелось забить, но ничего, мы все учились понемногу.

Чувство отдаления от дома стало заметным, постепенно подкрадывалось, словно, кошка в надежде прижать к полу маленького шустрого мышонка. Дом и сейчас, как определённое место, стены, пол и потолок, не притягателен, что со мною стало? Неужели повзрослел?

Стены академии впитали в себя атмосферу шестидесятых, атмосферу «живой» чёрно-белой плёнки, сквозь которую прорывается не что иное, как цвет молодости – яркий и жизнеутверждающий, я чувствовал, что такие же девочки и мальчики учились здесь искусствам и наукам полвека назад. Лучше мы или хуже них, я не знаю, молодёжь на всех континентах и во все времена одна.

Сколько времени человек тратит впустую? Каждый прожитый день должен давать какой-то результат, и он должен быть чуть-чуть выше

того, что ты можешь сделать по максимуму. Так меня учили, но я был плохим учеником, многое пропускал мимо. Может, и должен был пропускать? Кто знает? Михаилу Булгакову приписывают фразу: «Всё к лучшему...» На своём опыте я понял, что всё возможно делать наперёд, на будущее, «предупреждён, значит, вооружён», однако и этим я никогда, видимо, не пользовался.

Кочует студенческая братия, кто из вуза в вуз, кто из улицы в улицу, из города в город, кто в армию, в надежде заполучить свой кусочек «стабильности», но какой ценой? Каждый за что-то платит, таков удел человека. Ничего просто так не даётся, всё в этой жизни труд: дело, которому готов служить, твой быт, любовь, всё!

Гитара настроена, почти не ладит, хоть гриф и повело. Ребята просят спеть «Герой на героине».

Я играю на четырёх аккордах, пою...

Ещё целый месяц! Я увижу её, и всё мне станет «по плечу». Всё!

Уже не будет страшна ни «корона», ни что-то ещё, ведь она будет со мной!

ОНА будет со мной...

Антон Брындин, Сергей Максимов, Баир Базаров

## ЗАРОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

*античная комедия*

### Действующие лица:

Хор афинских женщин

Бог всея Олимпа Политей (греч. культура)

Богиня Декоративно-прикладного искусства Пиосса

Богиня Актерского мастерства Итопия

Бог Режиссуры Парагос

Богиня Вокала Псифона

Богиня Библиотечного дела Вивлиотия

Бог Хореографии Хорос

Вестник

Слуги

*Действие происходит на вершине Олимпа возле трона Политея.*

### Пролог

#### ***Вестник***

Эй, слуги верные богов,

Еще наш зал к собранию не готов.

Быстрее тащите свои ноги крылатые,

А то останетесь вы виноватые.

Грядет великое собрание богов –

Политея был приказ таков.

Трон великий от пыли протрите вы,

На места облака верните вы.

***Слуга 1***

Уже целый день к собранию мы готовимся,  
Чтобы боги не гневались, молимся.  
Эй, скверный друг, беги сюда,  
Скорей поставь ты облака на места!

### ***Слуга 2***

Бегу, бегу, мой друг сердечный,  
Куда поставить облака?  
Сюда? Иль может быть, сюда?  
Все для богов должно быть безупречно,  
Чтоб красота была тут вечно.

### **Парод**

#### ***Хор***

Здравствуй, наш Олимп великий!  
Знаменит своим могуществом и силой,  
Красотой своею славись ты в мире.  
Гордимся мы священной славою твоей.  
Но вот с недавних пор мы видим,  
Твой облик начинает быть безликим  
Все это привело к тому,  
Что Политей готовит нас к собранию великому.  
Готовы вы от нас услышать историю о том,  
Как Политей собрал богов поговорить о жизни на Олимпе?

### **Эписодий первый**

#### ***Вестник***

О превеликий Олимп, встречай богов своих:  
Богиня Пиосса – одна из них,  
К воротам легким шагом мчит.  
Богиня Итопия входит следом,

Играя радость, злобу, удивление.  
О боже мой, кого мы видим,  
На порог вступил великий Парагос.  
Псифоны голос слышен вдалеке,  
Ее песнь у всех на языке.  
Ох, чую запах книг старинных:  
Вивлиотия к нам идет.  
Встречайте, на пороге Бог  
Всея живого и неживого,  
Повелитель земли нашей —  
Превеликий владыка Олимпа!

### ***Политей***

О, уважаемые создатели искусства!  
Есть у меня такое чувство,  
Что на Олимпе обстановка нелегка...

### ***Вестник***

Извините, превеликий,  
На пороге Бог Хореографии.

### ***Хорос***

Прошу простить меня за опоздание,  
Нашел я этому такое оправдание.  
На территорию хореографии  
Чума пришла, разбой и голод.  
И смею я предположить,  
Что это режиссура не дает нам жить.

### ***Парагос***

Да как вы смеее так обвинять,  
Вы никогда не сможете понять,  
Что режиссура выше, так сказать.

### ***Хорос***

На территории своей я видел вас,  
Ваши апостолы позаражали нас!

### ***Политей***

Да сколько можно вам друг друга обвинять!  
Сейчас хочу одно лишь вам сказать.  
Работы нет, расслабились, я вижу,  
Нет слаженности! Ссоры лишь одни.  
Поэтому мной было принято решение:  
Я выбрать главного средь вас хочу,  
Чтоб регулировать меж вами отношение.

### **Стасим Первый**

#### ***Хор***

#### ***Строфа***

О, великий Политей,  
Ты научил своих детей  
Быть лучше, знать о чести, быть умней –  
За это благодарны мы все, Политей.  
Тобой гордится весь Олимп,  
И мы гордимся, Бог ты наш.  
Ты много нового нам дашь,  
Сейчас урок богам ты преподашь.

#### ***Антистрофа***

Боятся лишнего тебе сказать,  
Ты всемогущ, ты нам вторая мать.  
Величие твое вселяет страх,  
Страшит единственный лишь только взмах.

### **Эписодий Второй**

#### ***Итопия***

Да что тут думать, главной буду я,  
Мое искусство было у руля,  
Еще тогда, когда все зарождалось.  
Я думаю, что возраст должен сыграть роль.  
Не сыплю на душу вам соль,  
Но я вас всех мудрей, умней,  
Так дайте ж волю доблести моей.

### ***Парагос***

Что ж делала б ты без меня!  
Мое искусство здесь превыше,  
Если б не было меня,  
Кто б контролировал тебя?  
Твоя работа без меня на шаг бы не подвинулась!  
Все решено, здесь главным буду я.

### ***Вивлиотия***

Ваш спор ничто!  
Что может быть главнее книги?  
Вы ниже, вы никто,  
А я умнее самой себя.  
Я расскажу вам все, о чем вы просите меня.  
Ведь в книге спрятаны все тайны мира!

### ***Пиосса***

Ну что вы спорите, тут все понятно,  
Вопрос о том, кто будет главным, уж давно закрыт.  
Мое искусство необъятно,  
Мое искусство как гранит,  
Вам доказал бы это даже Еврипид.

### ***Хорос***

Не стоит ссориться, Великие,  
Ведь главным богом стану я.

Уж представляю, как в Олимпе  
Язык меняют навсегда.  
Название новое ему –  
Язык танца, и во сне, и наяву.

### ***Псифона***

Ну что за вздор,  
Вы правда все считаете, что есть вокала что-то выше?  
Прошу я вас сейчас побыть немного тише.  
Мое искусство может дотронуться до дальних уголков души.  
Не стоит Политею вешать на уши лапши.  
Тут буду главной я!

### **Стасим Второй**

#### ***Хор***

#### ***Строфа***

Ох, Олимп, прощенья просим,  
Коль разгневали богов,  
О мире и согласии мы молим,  
Быть может, это воцаренье страшных снов?  
О нет, все это явью дышит,  
Политей здесь правду ищет.

#### ***Антисторфа***

Грозит Олимпу страшный век,  
Коль усмирения среди Богов великих нет.  
И содрогнулся весь Олимп  
От туч небесных грозовых.  
Спасенья нет и мир во тьме,  
Лишь Политей стоит во мгле...

#### **Эксод**

#### ***Политей***

И как не стыдно!

Я выбрать главного средь вас хотел лишь для того,

Чтобы порядок здесь установить,

А не свое искусство ставить тут превыше.

Но появилась у меня иная идея,

Да загорится в небе еще одна звезда,

Что будет принадлежать созвездью Водолея!

И будут люди на нее глядеть все, млея.

И даст она начало новому месту,

Где все вы в равной степени будете важны и востребованны!

И будет у этого места славное название –

«Институт культуры»!

Благодаря этой звезде жить будете вы в мире и гармонии,

И будет светить она с каждым днем все ярче и ярче!

Неси, Звезда, свет новой культуры и искусства!